

Васёк Трубачёв и его товарищи

Автор:

Валентина Осеева

Васёк Трубачёв и его товарищи

Валентина Александровна Осеева

Герои трилогии «Васёк Трубачёв и его товарищи» жили, учились, озорничали, дружили и ссорились несколько десятилетий назад, но тем интереснее совершить путешествие на «машине времени» и заглянуть в их мир. Вот только безоблачная пора детства для Трубачева и его друзей оказалась слишком короткой: её оборвала Великая Отечественная война.

Валентина Осеева

Васёк Трубачёв и его товарищи

Книга 1

Глава 1

Новогодний праздник

В школе шли последние приготовления к празднику. В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с белым воротником, лежа на животе, выводил красной тушью громадные цифры: «1941 год».

В большой зал дверь была закрыта. У двери толпились школьники и школьницы, пытались заглянуть в щелку или незаметно прошмыгнуть в зал. На страже, прислонившись спиной к двери, стоял белобрысый мальчуган. Он молча и решительно отталкивал любопытных, показывая всем своим видом, что скорее умрет, чем пропустит кого-нибудь без разрешения вожатого.

В зале вожатый отряда, ученик девятого класса Митя Бурцев, вместе с ребятами натягивал провода с разноцветными лампочками. Складная лестница шаталась под его ногами.

– Ребята, не зевайте там! Держите лестницу! Так можно лампочки побить.

Поднявшись еще выше, Митя укрепил провода и весело крикнул:

– Включай!

Цветные огоньки вспыхнули, теряясь в густых ветвях новогодней елки.

Елку украшали девочки с учительницей второго класса.

Учительница стояла на табурете, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок.

– Ой, Марья Николаевна! Этот шар как фонарик!

– А вот с серебром! Девочки, с серебром!

– Давайте, давайте скорее! – торопила их Марья Николаевна, поглядывая на часы. – Гости ждут.

– А выставка еще не готова!

В глубине зала ребята заканчивали выставку. Полочки и лесенки с широкими ступеньками были задрапированы темной материей. Небрежно раскинутые коврики и вышитые платочки ярко выделялись на темном фоне. Внизу стояли модели самолетов, моторных лодок. Ледокол, выкрашенный в голубую краску,

разрезая острым носом волны, искусно сделанные из материи, как бы плыл навстречу школьникам.

У каждого класса здесь было отдельное место, и к каждой вещи была приколата бумажка с фамилией того, кто ее сделал.

Несколько ребят из четвертого класса «Б» озабоченно советовались между собой.

Саша Булгаков, староста класса, в сотый раз переставлял на полках вещи и, одергивая свою сатиновую рубашку, с досадой говорил:

– Мало, эх, мало!

– Малютин уже пошел. Картину принесет, – успокаивал Сашу Коля Одинцов, вытирая тряпкой запачканные тушью пальцы.

– Эх, а табличку-то не прибили! – Леня Белкин сбросил ботинки и проворно вскарабкался на лесенку, держа над головой молоток. Между вещами замелькали его синие носки.

– Тише ты! Наступишь на что-нибудь!

К выставке подбежала девочка. Короткие тугие косички прыгали по ее плечам. Она кого-то искала.

– Зорина, ты чего?

– Как чего? – Лида Зорина посмотрела на ребят быстрыми черными глазами. – Вы тут стоите, а внизу уже гости собрались. Где Трубачёв? – Она поднялась на цыпочки. – Васёк! Трубачёв!

От группы ребят из другого конца зала отделился мальчик и подошел к товарищам. Его мигом окружили.

– Ну как, Трубачёв?

– У них тоже здорово! Я все посмотрел!

– Лучше, чем у нас?

Трубачёв потрянул золотистым чубом. Синие глаза его лукаво блеснули.

– Нет, не лучше, – сказал он, широко улыбаясь. – Честное слово, ребята, не лучше! Да еще если Севка Малютин картину принесет да Мазин и Русаков какие-то штучки – тогда и вовсе живем! – Трубачёв притопнул каблуками, шлепнул по спине Белкина: – Живем!

Девочки запрыгали:

– У нас лучше! У нас лучше!

– Мазин и Русаков идут! – запыхавшись, сообщил Медведев. – Я их на лестнице видел!

Впереди, крепко ступая, шагал плотный, коренастый Мазин. Рядом, стараясь попасть с ним в ногу, торопился маленький, подвижной Петя Русаков.

– Вот они! Закадычные друзья! – объявил Белкин.

– Мало вещей? – коротко спросил Мазин, засунул руку за пазуху и вытащил гладкий черный пугач. Он был начищен до блеска, на рукоятке стояли буквы: «Р. М. З. С.».

Мазин снова засунул руку за пазуху. Ребята глядели на него выжидающе. Он вытащил складной лук. Петя Русаков расстегнул куртку и снял с пояса пучок стрел с блестящими наконечниками.

– Ух ты! Здорово! Вот здорово! – одобрительно зашумели вокруг.

Трубачёв, забыв про выставку, разглядывал пугач.

– «Р. М. З. С.»! – громко прочитал он. – Мазин, что за буквы?

- Трубачёв, покажи! Дай поддержать, Трубачёв! – кричали ребята.

- Подождите!

Трубачёв нетерпеливо дергал Мазина за рукав:

- Р. М. З. С. – что это?

Русаков лукаво усмехнулся:

- Это буквы!

- Это фабрика! – догадался кто-то.

- Какая фабрика! Это они сами делали!.. Мазин, говори! Ну чего ты ломаешься!

Мазин взял из рук Трубачёва пугач, повертел его, надул толстые щеки и равнодушно сказал:

- Много будете знать – скоро состаритесь.

- Ого! Тайна! – фыркнул Леня Белкин, поднимая белесые брови и поглаживая свой колючий затылок. – Ребята, тайна!

Лида Зорина и несколько девочек бросились к Мазину:

- Мазин, скажи, скажи!

Мазин отстранил их рукой и сгреб в кучу все вещи.

- Берете или не берете на выставку?

- Степанова, – крикнул Трубачёв, – возьми вещи!

Валя Степанова собрала все вещи в передник, потом взяла в руки пугач, близко поднесла его к близоруким глазам, внимательно рассмотрела буквы, погладила полированную рукоятку. Так же, не спеша, разглядела лук и стрелы и тихонько сказала:

– Сейчас развешу.

В зал поспешно вошел мальчик. Он держал в руках кусок фанеры, закрытый материей. Глаза его сияли, на бледном лице выступили капельки пота.

– Вот, принес! – задыхаясь, сказал он, снял материю и поставил картину к стене.

Ребята присели на корточки.

На картине Сева Малютина высились горы, густо покрытые белым снегом. У подножия гор поднимались прямые коричневые сосны. Под соснами стояла группа бойцов. Молодой командир поднимал вверх красное знамя. На виске у него было пятно крови, кровь стекала по щеке. Из глубокой воронки разлетались во все стороны грязно-серые брызги.

На картине стояла надпись, сделанная рукой художника: «Разрыв гранаты».

– Война! – шепотом сказал Саша.

Кто-то нашел сходство командира с Трубачёвым.

– Ты настоящий художник, Сева! – растроганно сказал Трубачёв.

Мазин с видом знатока прищурил один глаз и ткнул пальцем в картину:

– Пририсуй танки!

Все засмеялись.

В зале вспыхнул свет.

Темно-зеленая елка засверкала бусами. Все заторопились, заспешили.

Мальчик в коротких штанишках пробежал через весь зал, забрался в уголок дивана и, потирая пухлую коленку, стал разучивать по бумажке приветствие гостям: «Дорогие наши гости! Мы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими учителями и старшими товарищами приветствуем вас от лица всей школы... от лица всей школы...»

Песни, смех и беготня отвлекали внимание мальчика, он то и дело путал слова, громко повторяя:

– Дорогие наши гости! Вы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими школьными учениками...

Учительница, пробегая мимо с красками в руках, прислушалась, подсела к малышу и взяла у него из рук бумажку:

– Давай вместе!

– Трубочёв! Булгаков! У вас все готово? – крикнул издали Митя.

– Все готово! – ответил Трубочёв, устанавливая картину.

– Ну, так расходитесь. Сейчас начинать будем. Тащите стулья!

Ребята бросились расставлять стулья. Через минуту двери широко раскрылись. Шумной, нарядной толпой вошли родители. Их сопровождал сам директор Леонид Тимофеевич. На лице его была особая, праздничная улыбка, стекла очков блестели, отражая сразу и разноцветные огоньки елки, и веселые лица родителей.

– Милости просим! Милости просим! – говорил он, широко разводя руками и кланяясь.

Васёк увидел в толпе своего отца. Павел Васильевич принарядился: голубая сатиновая рубашка его была тщательно разглажена, и только галстук, по своему обыкновению, чуть-чуть съехал в сторону. Голубые глаза и рыжеватые усы

придавали его лицу веселое, озорное выражение. Увидев сына, он обрадовался и ни с того ни с сего удивился:

– Ба! Рыжик! Ну, давай, давай, хлопочи, усаживай!

– Сюда, сюда, папа!

Васёк потащил отца ближе к маленькой сцене, на заранее приготовленное местечко. По пути отец попробовал пригладить на лбу сына золотисто-рыжий завиток, но он, как вопросительный знак, торчал вверх.

Павел Васильевич махнул рукой, вынул из кармана сложенный вчетверо носовой платок и сунул его мальчику:

– На, запасной.

Васёк громко на всякий случай высморкался и быстро сказал:

– Героев видал, пап? Это ученики нашей школы. Сейчас! Вот идут! Смотри, смотри!

Он сорвался с места и исчез в толпе.

В проходе между стульями пробирались трое военных. Их встречали радостными криками. Они смущенно улыбались, с трудом продвигаясь к сцене. Там недавних участников боев с белофиннами приветствовали учителя и директор.

Старенькая учительница торопливо протирала платком очки.

– Алеша... Бориска... Толя... – припоминала она своих бывших воспитанников.

– Переросли! На целую голову переросли своего директора! – шумно радовался Леонид Тимофеевич.

К сцене подошел старик – школьный сторож. Черные с проседью волосы его были расчесаны на прямой пробор. Он опирался на суковатую палку.

– Иван Васильевич! Грозный!

Три пары рук подхватили старика и поставили на сцену.

– Есть Грозный! Есть! Никуда не делся! – Старик вытер усы. – Ну-ну, выросли... вылетели птенцы... орлами воротились, – бормотал он, присаживаясь к столу, покрытому красным сукном, и улыбаясь учителям.

В зале снова зашумели, захлопали в ладоши. Наконец все стихло.

Мальчик в коротких штанишках, путаясь, сказал приветствие и, закончив его торопливой скороговоркой, спрятался за спину своей учительницы.

Потом долго и прочувствованно говорил директор.

Перед глазами у всех вставал суровый финский край. Высокие сосны, скованные морозом озера... Вот мчатся лыжники... наши лыжники... Тишина... Слышно только, как скрипит снег. И вдруг слева, с опушки леса, ударил пулемет.

Пули вспарывают легкое снежное покрывало. Огонь косит наших бойцов, прижимает их к земле. По снегу, глубоко зарываясь в сугробы, ползет снайпер. Все его внимание сосредоточено на опушке леса, где засели финские пулеметчики.

Меткий выстрел... другой... И, внезапно захлебнувшись, смолкает вражеский пулемет... Лыжники летят дальше.

– Этот снайпер... – Директор поворачивает голову.

– Который? Который? – налегая друг на друга и вытягивая шеи, ребята смотрят на сцену.

Краска заливает обветренные щеки снайпера – он низко склоняется над столом и взволнованно чертит что-то на бумажке.

Директор называет его фамилию.

Потом следует другая фамилия и третья...

Второй, обмороженный, полз к лагерю, вынося с поля боя раненого командира. Третий взорвал финский дзот – это едва не стоило ему жизни. И вот все они, эти герои, здесь, в своей большой школьной семье, воспитавшей и вырастившей их.

Сева Малютин стоит около своей матери. Он крепко сжимает ее руку.

Васёк и Саша с горящими щеками жмутся к рампе.

А за их спиной ученик старшего класса возбужденно рассказывает товарищу:

– Они здесь, во дворе, всегда в футбол играли... И один раз окно в классе разбили... И Грозный кричал на них, как на нас. Я помню. – Он радостно смеется. – Я помню их... в десятом классе.

Глава 2

Огоньки в окнах

На железной дороге сонно покрикивала электричка.

В маленьком городке уже все спали. Только в некоторых окнах за матовыми, морозными стеклами светились огоньки.

Забравшись на широкую отцовскую постель и уткнувшись подбородком в плечо отца, Васёк, взволнованный событиями вечера, не мог уснуть.

– Пап! Вот этот снайпер Алеша просто богатырь, да, папа? А другой, что командира спасал, маленький, худенький совсем, как это он, а?

– Дело, сынок, не в том, кто какой. Тут физическая сила – одно, а сила воли – другое... Силу тут мерить нечего. Это не зависит, сынок... – Павел Васильевич не мастак объяснять, но Васёк понимает его.

– Ясно, – говорит он. – Главное – спасти, хоть через силу... Сколько километров он его пронес, пап? Под огнем, а?

– Сколько потребовалось, столько и пронес, – строго сказал Павел Васильевич. – У нас так... вообще... русский человек после боя раны считает...

Васёк замолчал. Ему вдруг захотелось внезапно вырасти и вместе со своими товарищами свершать какие-то большие, героические дела.

Он потянулся и глубоко вздохнул:

– А нам еще расти да расти!

* * *

И в другом окне горел огонек.

Бабушка, подперев рукой морщинистую щеку, слушала внука. Коля Одинцов рассказывал о выставке, о героях, о елке.

– Раздевайся, раздевайся, Коленька, – торопила старушка.

– Сейчас, бабушка!.. А Малютин Сева какую картину нарисовал! Про войну! Командир там, раненый, со знаменем! У него кровь на щеке и вот тут кровь...

– Что ты, что ты! Сохрани бог, Коленька, что это он какие картины рисует! – испугалась старушка. – Можно ли эдакое воображение ребенку иметь! Срисовал бы курочек, а то бабочек каких-нибудь – и все. Самое подходящее дело для ребят.

– Ну, бабочек! – усмехнулся Коля. – Что мы, дошкольники, что ли? Посмотрела бы, какие серьезные вещи у нас на выставке были, разные виды оружия были – Р. М. З. С.! – Коля поднял указательный палец. – Понимаешь?

- Да понимаю я, понимаю! - рассердилась старушка. - Только не детское это дело - такие страсти изображать...

- А у нас зато больше всех вещей было... Все нас хвалили...

- «Хвалили, хвалили»... Вот от наших полярников поздравление тебе, - неожиданно сказала бабушка, присаживаясь на кровать внука и разворачивая пакетик из папиросной бумаги.

- Дай, дай, я сам!

Коля осторожно вынул фотографическую карточку. На него смотрели улыбающиеся лица его родителей. На обороте карточки было написано:

«С Новым годом, дорогой сынок! Работа наша идет к концу. 1942 год мы встретим уже вместе!»

Коля счастливо улыбнулся.

- Я тогда уже пятиклассником буду, - сказал он, завертываясь в теплое, пушистое одеяло.

* * *

И еще в одном доме горел огонек в этот поздний праздничный вечер. Саша Булгаков, осторожно пробираясь между кроватками сестер и братьев, спросил:

- Нюта с Вовкой давно пришли?

- Давно, - шепотом ответила мать.

- А мал-мала спят? - тихо спросил Саша.

У Саши было шестеро братьев и сестер. Все они были младше его, и всех, кроме восьмилетней Нютки, он называл одним общим именем: мал-мала.

– Спят давно. Набегались, наплясались сегодня...

– А я вот гостинцев им принес, – сказал Саша и полез в карман. – Измялись чего-то, – огорчился он, вытаскивая сбитый в комок цветной пакетик. – Это, верно, когда мы в снегу фигуры делали с ребятами.

– То-то, я смотрю, у тебя пальто все снегом извожено, – спокойно сказала мать.

– Я сейчас почищу.

– Я уже почистила... Садись вот.

Мать поставила на стол компот и холодную телятину.

– Отец выпил нынче, – шепотом сказала она, – тихий пришел... Все сидел, объяснял мне: я, говорит, токарь... потомственный и почетный... никогда своему делу не изменял, а жена у меня женщина уважаемая, и детей семеро, как птенцов в гнезде... Смех с ним! – Она покачала головой и засмеялась.

– Он уж всегда так, когда выпьет, – снисходительно сказал Саша, выцарапывая из кружки вареную грушу.

– А вот, Сашенька, помощь от государства мы получили! – торжественно сказала мать, вынимая из-под подушки пачку денег. – Как ты ушел, так и принесли мне.

– Ого! Сколько денег нам дали! – радостно сказал Саша. – Теперь всего накупим.

– На всех, на всех хватит, – сказала мать и, отобрав несколько бумажек, протянула Саше: – Вот и тебе подарок от государства: купи себе лыжи, сынок!

– Что ты, что ты! – отмахнулся Саша. – Мне не надо. Я и в школе возьму лыжи, когда захочу.

– Бери, бери! Мне в радость это, – мягко сказала мать, протягивая ему три бумажки. – Ты у меня большак...

Саша поглядел в ее круглое, доброе лицо с глубокими, запавшими глазами. Ему показалось, что около знакомых ему с детства ямочек на ее щеках протянулись, как ниточки, новые морщинки.

– Нет, не возьму! – решительно сказал он, засовывая в карманы руки. – Лыжи – это баловство. Захочу – и так достану. – Он встал из-за стола и погладил мать по плечу: – Ложись спать, мама!

* * *

Но дольше всего горел огонек над широким крыльцом школы. Ребята давно разошлись по домам, а за освещенными окнами второго этажа, уютно сдвинув кресла, тихо, по-семейному, беседовали учителя со своими бывшими питомцами.

– Воображаю, как вы там мерзли! – с тревогой говорила старая учительница, которой все еще помнились эти мальчики такими, какими они пришли к ней в первый класс, держась за руки своих матерей.

– Да там не до мороза. Разотрешь снегом уши, и опять ничего, – застенчиво поглядывая друг на друга, рассказывали молодые бойцы.

В одном из классов за партой сидел Алеша-снайпер. Его ноги не помещались под скамейкой, длинная фигура возвышалась над полированной крышкой.

Он любовно и тщательно оглядывал парту и с сожалением говорил:

– Тут у меня и буквы были вырезаны: А. М. Эх, другая парта, верно! Или краской затерли...

Перед Алешей стоял вожатый Митя.

– А ты, кажется, здесь вожатый теперь? – спросил Алеша. – Я ведь помню тебя. Когда мы уходили на фронт, ты был в седьмом, кажется?

– В седьмом. А теперь в девятом. Учусь! С ребятами воюю! – засмеялся Митя, присаживаясь на край Алешиной парты.

– А что, трудный состав? – деловито осведомился тот. И, не дожидаясь ответа, серьезно сказал: – Главное – дисциплина. Ты их, знаешь, сразу приучай. Дисциплина, брат, великое дело!

Он вскочил, прошелся по классу и, остановившись перед Митей, щелкнул пальцами:

– Сразу приучай! А то потом ох и трудно будет! Вот где я это понял – на фронте! Там, знаешь, с нами нянчиться некому.

Алеша присел рядом с Митей, указал глазами на дверь и понизил голос:

– Это здесь ведь учителя уговаривают, объясняют, прощают... а там фронт... война... приказ... Дисциплина – это все!

– Точно! – решительно подтвердил Митя. – Ребят распускать никак нельзя!

Алеша посмотрел на него и вдруг расхохотался.

– По себе знаем, верно? Мы один раз тут такую штуку устроили!.. – с увлечением сказал он.

Перебивая друг друга, они стали вспоминать первые годы учебы, свои проделки и шалости, учителей и строгого директора.

– Ух ты! Я его и сейчас побаиваюсь. А ведь чего, кажется, – добрейший человек!

– Алеша! Митя! – донеслось из коридора.

Глава 3

Семья Трубачёва

Отец Васька, Павел Васильевич, работал мастером в паровозном депо. Павел Васильевич любил свое дело. К паровозу у него было особое отношение. Большое ворчливое чудовище, выдувающее пар из своих ноздрей, казалось ему живым. В разговорах с Васьком он любил употреблять выражения: «здоровый паровоз», «больной паровоз».

Васёк запомнил рассказы отца:

– Стоит, пыхтит, хрипит, тяжело ворочается. Ну, думаю, захворал дружище. Надеваю свой докторский халат, беру инструменты и давай его выстукивать со всех сторон...

Васёк слушал, и в нем росло дружелюбное отношение к этой железной голове поезда.

Павел Васильевич мечтал, что из Васька выйдет инженер-строитель или архитектор. Он будет строить легкие и прочные железнодорожные мосты или дома с особыми, тщательно обдуманными удобствами для людей.

Сам Павел Васильевич – выдумщик и мастер на все руки.

Квартира Трубачёвых была обставлена красивой и замысловатой мебелью его работы. Круглый шкафчик вертелся вокруг своей оси. Посреди комнаты стоял обеденный стол с откидными стульями.

– Всякое дело любит, чтобы человек в него душу вкладывал, – говорил Павел Васильевич.

Жена его была женщина слабая, болезненная, но о болезнях своих говорить не любила. Она сама справлялась со своим маленьким хозяйством и всегда знала, что кому нужно. Отец и сын обожали мать, тихая просьба ее была законом и исполнялась обоими беспрекословно.

Павел Васильевич сам занимался с сыном. Васёк учился на «отлично». Всякая другая отметка была неприятной новостью.

В таких случаях Павел Васильевич, собрав на своем лбу целую лесенку морщин, останавливался перед сыном и спрашивал:

– Как же это ты? Язык заплелся, или голова не варила? Ведь ты же этот предмет как свои пять пальцев знаешь!

В прошлом году мать Васька слегла и больше уже не вставала.

У Павла Васильевича стало много домашних забот, но к занятиям сына он по-прежнему относился внимательно.

Каждый вечер оба подсаживались к кровати матери, и она, опираясь локтем на подушку, слушала, как Васёк отвечает отцу заданный урок.

Смерть жены была тяжелым ударом для Павла Васильевича.

Он не находил себе места в осиротевшем доме, растерянно бродил из комнаты в кухню или молча сидел за столом, опустив на ладонь свою большую рыжеватую голову. И только при виде сына вскакивал, суетился, перекладывал что-то с места на место, приговаривая:

– Сейчас! Сейчас! Умойся, сынок! Или, может, покушаешь сначала, а? И потом погулять пойдем, а?

Васёк молча смотрел на него, потом утыкался лицом в подушку и плакал. Отец присаживался рядом, гладил его по спине и повторял:

– Что ж поделаешь, сынок... Пережить надо...

Или, крепко прижимая к себе мальчика, шептал ему, смахивая с усов слезы:

– Папка с тобой, Рыжик. Папка от тебя никуда...

И действительно, все свое время Павел Васильевич отдавал сыну.

Кроме Трубачёвых, в квартире жила еще шестнадцатилетняя соседка Таня. Еще при жизни матери Васька Таня приехала из деревни со своей бабушкой, потом бабушка умерла, и Таня привязалась к семье Трубачёвых.

Павел Васильевич устроил девушку на работу в изолятор при детском доме. Вечерами Таня училась в школе для взрослых.

Павла Васильевича она побаивалась и слушалась его, а Васька жалела и после смерти матери утешала, как могла.

Васёк любил забежать в маленькую светлую комнатку Тани с широкой бабушкиной кроватью и горой подушек. Пестро раскрашенный глиняный петух с иголками и нитками напоминал ему раннее детство, когда, бывало, услышав его капризы, бабушка Тани сердито говорила:

– Это что еще такое? Пойду за петухом... Он у меня этого страсть не любит!

Васёк затихал, а когда вырос, часто смеялся над собой и просил:

– Расскажи, мама, как я Таниного петуха боялся...

Павел Васильевич, оставшись без жены, думал про Васька: «Я теперь ему отец и мать».

Он недосыпал ночей, стараясь поддерживать тот порядок, который был при жене, боялся в чем-нибудь отказать сыну и, когда кто-нибудь замечал ему, что он похудел и осунулся, озабоченно отвечал:

– Это пустяки. Вот с хозяйством я путаюсь – это верно... Надо бы сестру выписать, да не знаю, приедет ли.

А Васёк, не понимая трудной жизни отца, говорил:

– Не надо... Нам и вдвоем хорошо!

Глава 4

Товарищи

С вызовом сестры Павел Васильевич медлил, боясь причинить сыну неприятность появлением в доме чужой, незнакомой Ваську женщины.

Но один случай заставил его принять окончательное решение.

Павел Васильевич строго-настрого запрещал сыну приходить к нему в депо. Он сам изредка брал его с собой, показывал ему ремонтную мастерскую, с увлечением объяснял назначение всех инструментов, зорко следя за тем, чтобы сын не убежал на железнодорожный путь.

Когда мать была жива, Васёк после школы торопился домой. Теперь опустевший дом пугал мальчика. Часто до возвращения отца с работы он бесцельно бродил по городу один или предлагал своим друзьям Коле Одинцову и Саше Булгакову:

– Пойдемте, ребята, куда-нибудь пошатаемся...

Однажды, чтобы увлечь товарищей на прогулку, Васёк, несмотря на запрещение отца, пообещал им показать ремонтную мастерскую.

Выйдя из школы, мальчики прошли тихими улицами и выбрались на окраину. Стоял сентябрь. Осеннее солнце и ветер высушили на деревьях листья и окрасили их в желтые и коричневые цвета. В палисадниках на клумбах чахли желтые кустики осенних цветов.

– Вон, вон депо виднеется! Каменное, серое, – указывал товарищам Васёк. – Там сейчас папка работает. И знакомых там много... Еще увидит кто-нибудь. Нам напрямик нельзя. Надо через пути перебежать, с той стороны в окно посмотрим. Айда, ребята!

Скрываясь за дощатым забором, мальчики прошмыгнули в калитку и, пригнувшись к земле, побежали через рельсы. На путях стояли длинные составы товарных вагонов, гудели паровозы. По земле стелился белый пар.

– Ребята, вот стрелка... Осторожно, а то как зажмет ногу... – шепотом предупредил Васёк.

Между вагонами в закопченных, промасленных передниках, с молотками и другими инструментами сновали рабочие; слышался лязг железа, стук сцепляемых вагонов.

– Чу-чу-чу! – подражая паровозу, пыхтел Васёк, прижав к бокам локти.

– Тра-та-та! Тра-та-та! – вторили ему Одинцов и Саша.

Обдирая на коленках чулки, они пролезали под вагонами и прятались за колесами, чтобы не попасться на глаза рабочим.

– Скажут папе – тогда несдобровать нам, – шептал Васёк.

Пробраться незамеченными к мастерским было трудно.

– Подождем, пока рабочие на ужин пойдут, – предложил Трубачёв. – Посидим в товарном вагоне.

Мальчики залезли в первый попавшийся вагон. Там валялась свежая солома, в открытую дверь широкой струей вливалось солнце.

Одинцов схватил Васька за рыжий чуб:

– Горишь, горишь!.. Саша, туши его! Туши!

Мальчики с двух сторон напали на Васька. Бросали ему на голову свои куртки, барахтались в соломе и хохотали.

Снаружи слышались громкие голоса, заскрипели под ногами мелкие камешки. Кто-то стукнул по стенке вагона молотком.

Мальчики забились в угол и притихли.

Кто-то просунул в вагон голову и громко сказал:

- Десятый!

Потом тяжелая, обитая железом дверь с грохотом задвинулась, голоса замолкли.

- Вагоны считают, - неуверенно пояснил Васёк, на ощупь пробираясь к двери.

Вагон вдруг с силой дернулся, затих. Потом стронулся с места и медленно пошел. Колеса заскрипели...

- Поехали! Трубочёв, поехали!

Ребята бросились к двери.

- Открывай, открывай! - налегая худеньким плечом на щеколду, кричал Одинцов.

Саша и Васёк, пыхтя, помогали ему. Дверь подалась. Васёк выглянул:

- Стой! Ложись! Мимо депо едем! Отец увидит... Это ничего - это на другой путь вагон перегоняют. От вокзала никуда не уйдет! - успокаивал он товарищей.

- Вот здорово!

- Покатаемся бесплатно!

Но вагон, покачиваясь, ускорял ход. В дверь было видно, как скрылось серое здание депо, остались позади железнодорожные строения.

- Ничего! Сейчас назад повернем! - храбрился Васёк.

- А вдруг не повернем? - поблескивая круглыми черными глазами, тревожился Саша.

- Трубочёв, будку проехали! Тут уж поле, один путь. Разве задний ход дадут, а?

- Не-ет...

Ребята испуганно посмотрели друг на друга.

- Вот так номер! Поехали!

- Открывай дверь шире! Прыгать будем! - скомандовал Васёк.

- Прыгать?!

Вагон шел над песчаным откосом. Мальчики, прижавшись друг к другу, смотрели вниз.

- Тут башку сломаешь... - махнул рукой Саша.

- Ничего, песок - мягко! - соображал вслух Одинцов.

Трубачёв, высунув голову, смотрел вперед. Ветер трепал его рыжий чуб.

- Сейчас поле будет. Я первый прыгну. А вы за мной. Вперед прыгайте. И, главное, от вагона подальше... - Он с беспокойством оглядел товарищей. - Сашка, слышишь... Изо всей силы прыгай, понятно?.. И ты изо всей силы... Держите книжки... Не бойтесь... Я сколько раз прыгал, - соврал Васёк, чтобы подбодрить товарищей.

Поезд шел все быстрее. Показались скошенные луга. На них, как покинутые дома, стояли стога сена. За ними пряталось заходящее солнце. Около железнодорожного полотна торчали редкие кусты с облетевшими листьями. За лугами синел лес.

Земля убегала, плыли стога, лес приближался.

Васёк еще раз оглянулся на товарищей. Сердце у него замерло.

- Три, четыре! - чуть слышно скомандовал он себе и, отступив, прыгнул.

Саша и Одинцов увидели, как он упал, потом вскочил, споткнулся и, прихрамывая, побежал догонять поезд.

- Прыгай! Прыгай! - кричал он. - Бросай книги!

«Кни-ги!» - долетело до мальчиков. Одинцов догадался, схватил свои и Сашины книги и бросил их.

Саша неловко затоптался на месте, держа за руку товарища:

- Давай вместе!

- Нельзя, хуже! - крикнул ему в ухо Одинцов.

Задыхаясь от бега, Васёк размахивал руками и что-то кричал, но голоса его не было слышно.

Одинцов отодвинулся от Саши и прыгнул. Он упал неловко и долго не поднимался. Саша побелел и закрыл глаза:

- Убился...

Когда он снова выглянул из вагона, он увидел, как оба товарища, спотыкаясь, бежали по тропинке за поездом.

Саша зажмурился и прыгнул.

Оглушенный падением, он сидел на траве и потирал ушибленный локоть.

Подбежавший Васёк обнял его за плечи:

- Ты что?

- Сижу! - радостно ответил Саша.

Через минуту три товарища шли вдоль железнодорожного полотна. Глядя на Колю и Сашу темными от волнения глазами, Васёк повторял:

– Обошлось, обошлось, ребята!

Книги нашли в кустах целыми и невредимыми.

– Они тоже прыгали! – сострил Одинцов, похлопав по своей сумке.

Вечернее небо быстро темнело. Где-то далеко слышались гудки паровозов. Свежий ветер трепал курточки мальчиков.

– Если пустить паровоз на полную мощность... – говорил Саша.

– Подожди... смотря какой паровоз!

Васёк поднял голову и прислушался:

– Самолет! Ребята! Самолет!

Из-за леса, почти касаясь верхушек деревьев, вылетел самолет.

– Ура, летчик! Ура!

Ребята прыгали, подбрасывали вверх книги и толкали друг дружку.

– Летчик! Возьмите раненого! – кричал Одинцов. – Сашку Булгакова!

– Нет, Одинцова, Одинцова! У него нос разбился!

– Трубочёва возьмите! Дядя летчик! Вот он! Вот! Хромает!

Самолет скрылся в облаках.

Скоро совсем стемнело. Стал накрапывать дождик. Серое здание депо все еще не показывалось.

– Эх, не туда заехали! – с досадой сказал Васёк. – Завезли нас к черту на кулички!

– А ты куда билет брал? – натягивая на голову куртку, осведомился Одинцов.

– Он думал, его прямо с доставкой на дом! – рассмеялся Саша.

Наконец показались первые строения.

Прощаясь на Вокзальной улице, мальчики советовались.

– Может, нам к твоему отцу всем вместе идти? – спрашивали Васька товарищи.

– Нет! Чего там! Влетит, так за дело.

Павел Васильевич уже давно был дома. Выслушав рассказ сына, он молча вынул из портфеля конверт и сел писать письмо сестре.

Глава 5

Иван Васильевич Грозный

Иван Васильевич прихлебнул с блюдечка чай и выглянул в окно.

– Так и есть, – сказал он, нахлобучивая на голову меховую шапку и снимая с гвоздя ключ. – Хоть бы одни каникулы отдохнуть дали! И все этот Митя всех мутит! – ворчал он, открывая тяжелую школьную дверь.

У крыльца действительно стоял Митя в синем лыжном костюме, за ним – Саша Булгаков и Коля Одинцов. Все трое тащили на плечах лыжи.

– Опять ноги разрабатывать! Вчера на коньках, сегодня на лыжах, – пропуская их, ворчал сторож.

– У нас в плане лыжная экскурсия сегодня, – стряхивая с шапки снег, сказал Митя. – Не все, понимаете, освоили это дело! За каникулы надо подтянуться, – объяснял он, подбирая парные лыжи. – Да вы идите, отдыхайте, Иван Васильевич. Мы только соберемся – и айда!

– «Отдыхайте»! – усмехнулся Иван Васильевич. – С вами отдохнешь, пожалуй...

На крыльце затопали, и в дверь вбежали школьники.

– Здравствуйте, Иван Васильевич! – с опаской поглядывая на сторожа, здоровались они: Иван Васильевич недаром получил от ребят прозвище Грозный.

Опираясь на толстую суковатую палку, во всякую погоду стоял он на крыльце, встречая и провожая школьников. На прозвище Грозный старик нисколько не обижался.

– Я для вашего брата и есть грозный, потому что безобразия в школе допускать не могу, – сурово говорил он.

Увидев перелезавшего через забор школьника, старик звонко стучал об асфальт палкой:

– Куда лезешь? Где тебе ходить приказано?

– Дорогу потерял! – кричал озорник.

– У меня живо найдешь! Носом калитку откроешь!

Школьник с хохотом скатывался с забора и осторожно проходил мимо сторожа:

– Здравствуйте, Иван Васильевич!

– То-то «здравствуйте»! Дурная твоя голова вихрастая! На плечах ходуном ходит, всякое соображение растеряла! – ворчал Грозный, закрывая за мальчиком дверь.

И вдруг лицо его расплывалось в улыбке, около губ собирались добрые морщинки, и он, похлопывая по плечу какого-нибудь отличника, говорил:

– Инженер! Одно удовольствие от твоего житья-бытья получается. Матери поклон от Ивана Васильевича передай!

Или, грозно сдвинув брови и выпятив грудь, приглашал группу школьников:

– Проходите! Проходите!

Школьники замедляли шаг.

– Артисты! Одно слово – артисты! На собраниях про вас высказываются. Вам в школу, как в театр, на своей машине выезжать надо, а вы пешочком, а?

– Да ладно... уже ругали нас, – подходя ближе, нерешительно мямлил кто-нибудь из ребят.

– Сам! Самолично присутствовал! – ударяя себя в грудь, торжествуя говорил Грозный. – Все собрание тебя обсуждало. А кто ты есть, ежели на тебя посмотреть? – Грозный прищурился и, оглядев с ног до головы ученика, презрительно говорил: – Сучок! Голый сучок, ничего не значащий! А тобой люди занимаются, выдолбить человека из тебя хотят.

– Да чего вы еще! – пробираясь к двери, бормотали оробевшие школьники. – Не будем мы больше, обещали ведь...

– И не будешь! Ни в каком разе не будешь! Мне и обещаний твоих не нужно. Я сам к тебе подход подберу.

– Вот леший! И зачем только его на собрания пускают! Ведь он потом прохода не дает, – возмущались злополучные ребята. – На всех собраниях сидит! Отвернет ладонью ухо и слушает, – смеялись они.

Но сегодня Грозный ворчал для виду. У него было то особое, праздничное настроение, которое не хочется омрачать ни себе, ни другим. Открыв Мите пионерскую комнату, он вышел на крыльцо.

На дворе лежали горы снега. С улицы шли и бежали школьники. Лыжные костюмы ярко выделялись на белизне снега, поднятые лыжи торчали вверх, как молодые сосенки. Грозный улыбался, ласково кивал головой, то и дело приподымая свою мохнатую шапку.

- С праздником, Иван Васильевич!

- И вас также!

Крепкий морозец стягивал шнурочком брови, красил щеки ребят и белил ресницы.

- Стой, стой! Где же это ты мелом испачкался? И щеки клюквой вымазал, - шутил Грозный с каким-нибудь мальчуганом.

Васёк Трубачёв торопился - во дворе уже никого не было.

- Иван Васильевич, прошли наши ребята?

- Прогнали, прошли! А ты что же эдаким мотоциклетом пролетаешь? И «здравствуйте» тебе сказать некогда.

Васёк поспешно сорвал с головы вязаную шапку:

- Здравствуйте!

- Ишь ты, Мухомор! - любовно сказал сторож.

Васёк был одним из его любимцев. Еще в первом классе Грозный прозвал его Мухомором за темно-рыжий оттенок волос и веснушки на носу.

- Прогнали, прошли твои товарищи!

Васёк, прыгая через три ступеньки и волоча за собой лыжи, помчался на второй этаж.

В пионерской комнате толпились ребята. Митя, поминутно откидывая со лба непослушную прядь льняных волос, оживленно объяснял:

– Все зависит от правильности хода...

– Трубачёв! – крикнул Саша Булгаков. – Сюда! Сейчас строиться будем. Мое звено в полном порядке.

– У меня Малютина нет, – сказал Коля Одинцов.

– А Зорина где? – спросил Васёк.

Лида Зорина, запыхавшись, вбежала в комнату. Она была в красном пушистом костюме, черные косички выбивались из-под шапки.

– Я здесь! Девочки все пришли!

– Звеньевая, а опаздываешь! – строго сказал Васёк.

– Я не опаздываю, я за Нюрой Синицыной заходила, – оправдывалась Лида.

Школьники выстроились в две шеренги перед крыльцом. На перекличке не оказалось Севы Малютина.

– Ему нельзя, – сказал Саша – староста класса. – Он больной.

– Больной-притворной, – пошутил кто-то из ребят.

– У Малютина порок сердца, – строго сказал Митя. – Смеяться тут нечему... Ну, пошли! – крикнул он, взмахнув лыжной палкой. – За мной!

* * *

Грозный стоит на крыльце, прикрыв ладонью глаза. За воротами, на снежной улице, один за другим исчезают синие, зеленые фигурки лыжников, красным флажком мелькает между ними Лида Зорина...

Скрип лыж, голоса и смех затихают...

- Ну вот, значит... - говорит Грозный, направляясь к своей каморке.

Но несколько пар крепких кулачков барабанят в дверь:

- Откройте! Откройте!

- А, первачки! Промерзли? Ну, грейтесь, грейтесь! - ласково говорит сторож.

Закутанные в теплые платки, толстые и смешные, неуклюжие, как медвежата, размахивая лопатками, вваливаются первачки. За ними, смеясь, поднимается их учительница.

- Мы, Иван Васильевич, только погреться. А вы идите, отдыхайте, - говорит она. - Мы во дворе будем.

Клубится снежная пыль. Красные от натуги малыши носят лопатками снег, лезут в сугробы.

Позвякивая ключами, сторож проходит в пионерскую комнату.

На стене возле праздничной стенгазеты висят плакаты и объявления.

Грозный надевает на нос очки:

- Где тут у них планы? На каникулы... Ага... Первые классы... так... Четвертые - экскурсия... так... Шестые - кружок фото... так... Восьмые - международный доклад... так... Шахматисты... - Он машет рукой и прячет очки. - Свято место пусто не бывает!

Глава 6

На пруду

К вечеру мороз утих. Небо было чистое, с редкими звездами. Васёк Трубачёв, Саша Булгаков и Коля Одинцов возвращались с лыжной прогулки втроем.

Они нарочно отстали от ребят, чтобы зайти на пруд.

- Пойдем? - предложил товарищам Васёк. - Не хочется домой еще.

- Пойдем! На пруду, наверно, красиво сейчас. Я тоже не хочу домой, - согласился Одинцов. - Саша, пойдешь?

- Куда вы - туда и я!

Мальчики прошли парк и начали спускаться к пруду. Пушистые берега с занесенными снегом деревьями возвышались, как непроходимые горы.

Старые ели, глубоко зарывшись в сугробы, распластали на снегу свои густые, мохнатые ветви. Метель намела на пруду высокие снежные холмы.

Вокруг было так тихо и пустынно, что мальчики говорили шепотом.

- Не пройдем, пожалуй, провалимся, - пробуя наст, сказал Саша.

- Идите по моему следу. Айда... лесенкой... - Васёк поднялся на горку и, пригнувшись, съехал вниз. Потом снял лыжи и бросился в сугроб. - Сюда! Одинцов! Саша! Мягко, как в кресле!

Мальчики уселись рядом. Все трое, запрокинув головы, смотрели в темное, глубокое небо.

- Смотрите, смотрите! Луна!

Из-за парка показалась огромная желтая луна.

- Ни на чем держится! - удивленно сказал Саша. - Вот-вот упадет.

- Вот если б упала!

- Хорошо бы! Мы бы ее сейчас в школу притащили, прямо в пионерскую комнату.

Саша обвел глазами белые застывшие холмы.

- А что, ребята, тут, наверно, зимой ни одна человеческая нога не ступала, - таинственным шепотом сказал он.

Васёк посмотрел на чистый, ровный снег:

- Следов нет.

- Тут один Дед Мороз живет... - пошутил Одинцов и осекся.

В лесу раздался треск сучьев. Тихий шум, похожий на завывание ветра, пронесся по берегам. И в тот же миг неподалеку от мальчиков что-то белое вдруг отделилось от сугроба и медленно съехало вниз.

- Трубачёв! - прошептал Саша.

- Видали? - испуганно спросил Одинцов.

- Это снежный обвал, - равнодушно сказал Васёк, на всякий случай подвигая к себе лыжные палки.

Саша засмеялся.

- А меня мороз по коже пробрал, - откровенно сознался он.

- И меня... Идем лучше отсюда, - сказал Одинцов. - Не люблю я, когда снег... ползет.

– Ну, бояться еще! Мы, в случае чего, прямо голову оторвем! – Васёк лихо сдвинул на затылок шапку.

– А кому отрывать? – усмехнулся Одинцов.

– Кто нападет! – сказал Васёк, приглядываясь к белому холмику, который как-то странно покачивался в неровном свете луны. – Да никто не нападет. Я думаю, это показалось, – прибавил он.

Одинцов зажмурился:

– Ну да, бывает... привидится что-нибудь от снега.

– А вот на севере... – пугливо оглядываясь, добавил Саша. – Мне рассказывали...

Сзади снова раздался треск сучьев и тонкий протяжный вой. Мальчики переглянулись. Васёк молча показал на белый холмик. Медленно покачиваясь на гладкой поверхности пруда, холмик полз к берегу.

– Стойте здесь... я проверю, – вдруг решился Васёк.

Саша схватил его за руку:

– Я с тобой.

– Вместе пойдем, – прошептал Одинцов.

– На лыжи! Становись! – громко скомандовал Васёк.

Ребята вскочили. Тихий вой, разрастаясь в грозное рычание, пронесся над прудом. В ответ ему из сугробов вырвались звуки, похожие не то на кошачье мяуканье, не то на собачий лай.

– Волки! – с ужасом прошептал Саша.

- Держите палки наготове, - стиснув зубы, сказал Васёк. - Мы их сейчас...

- Нет! - испуганно остановил его Одинцов. - Куда ты? Надо домой!

- Домой, домой, - заторопился Саша. - Слышишь?

Вой разрастался. Теперь уже казалось, что со всех сторон подкрадываются к мальчикам какие-то непонятные и страшные звери.

- Ничего, как-нибудь дорогу пробьем, - задыхаясь от волнения, сказал Васёк. - За мной, ребята!

Зорко вглядываясь в каждый бугорок, мальчики благополучно миновали сугробы и вышли в парк.

- Стойте! - Васёк поднял руку.

На пруду снова было таинственно и тихо.

- Тьфу! Что за чертовщина такая! Ребята, сознайтесь: кто испугался?

- Я, - улыбнулся Саша, зябко поводя плечами.

- И я, - сказал Одинцов.

- Ну и я, - сознался Васёк, - потому что не волк, не человек...

- А может, просто кошки? - предположил Одинцов.

Все трое засмеялись.

А на пруду, когда затихли голоса, под ветвями ели тихо сдвинулась туго накрахмаленная морозом простыня, блеснул огонек, освещающая глубину темной землянки, и высунулась голова Мазина. Белый холмик быстро-быстро пополз к старой ели.

- Ушли? – шепотом спросил Мазин.

- Ушли, – ответил Петя Русаков, сбрасывая с себя белый халат.

Глава 7

Новости

Встряхивая золотистым чубом, Васёк, разгоряченный впечатлениями дня, рассказывал отцу:

- Мы с Митей в лес ездили, далеко-далеко... А потом еще с ребятами на пруд ходили.

- То-то я тебя еле дождался. Хотел разыскивать.

- А на пруду, папа, такая луна, громадная, и свет от нее... Нам даже показалось, что снег движется. Да еще как завоет кто-то, – засмеялся Васёк, – мы даже испугались немножко.

- Вот и хорошо, что испугались. Не будете лазить, где не надо, – хмуро сказал Павел Васильевич. Он был чем-то озабочен.

- Да ты что, папа, чудной какой-то сегодня? – удивился Васёк.

- Чудной не чудной, а... – Павел Васильевич замялся, постучал пальцами по столу и строго сказал: – К нам тетя Дуня едет.

- Едет? – переспросил Васёк, не зная, радоваться ему или печалиться. Тетю Дуню – сестру отца – он никогда не видел. Она жила под Москвой на какой-то маленькой станции.

Павел Васильевич ожидал, что сын будет протестовать против приезда тетки, и приготовился к серьезному отпору, но Васёк только спросил:

– А веселая она?

– Да как тебе сказать... особенного веселья я что-то у нее не замечал. Женщина старая, одинокая, хозяйка. А мы с тобой, можно сказать, холостяки. Где зашить, где пришить требуется, а то и сготовить чего.

– Каша у тебя пригорелая получается, – задумчиво сказал Васёк.

– Вот-вот, – обрадовался отец, – самое теткино дело – кашу варить.

– Не хочу я тетки. Нам и вдвоем хорошо, – вдруг решительно заявил Васёк.

– Хорошо-то хорошо, а с хозяйством мне все равно не сладить... Да, еще вот какая новость у меня, сынок...

Павел Васильевич почувствовал себя совершенно несчастным: ему предстояло еще раз огорчить Васька.

– Я, Рыжик, недельки на три в Харьков уеду. В тамошнее депо командируют меня. – Он тяжело вздохнул. – Значит, тут без тетки никак не обойтись, сынок.

Васёк молчал. Ему было уже не до тетки.

– А когда ты уедешь? – тихо спросил он.

– Когда уеду? Ну, это еще не так скоро. Ты об этом не думай сейчас.

Васёк тряхнул головой.

– Не скоро? Ну и ладно! А тетка пускай живет. Мне до нее никакого дела нет, – решил он.

Утром к Ваську забежал Одинцов. Павел Васильевич ушел на работу, Васёк завтракал, густо намазывая маслом белый хлеб.

– Новость! – закричал с порога Одинцов. – У нас новый учитель будет после каникул. Мария Михайловна совсем ушла.

Мария Михайловна, прежняя учительница, давно уже не посещала класс, и четвертый «Б» около двух месяцев находился на попечении учителей других классов.

– Собственный учитель? – обрадовался Васёк. – А Мария Михайловна что же?

Одинцов махнул рукой:

– Да она с нами состарилась совсем... Не с нами, а вообще... Ей шестьдесят лет скоро будет, а потом, после болезни еще...

– Жалко ее, – сказал Васёк, – привыкли мы к ней.

– Жалко, конечно, – согласился Одинцов, – а все-таки учителю я рад. Бежим к Булгакову, расскажем ему!

– Да погоди. Я еще не позавтракал. Вот ешь лучше. – Васёк подвинул товарищу хлеб и масло.

Оба с аппетитом принялись за еду.

– Все новости да новости, – сказал Васёк. – А откуда ты узнал про учителя? – Мне Грозный сказал. Я у него для Саши лыжи брал. Приношу сегодня, а он говорит: «После каникул держись, брат! Отменного учителя вам директор нашел».

– Так и сказал – «отменного»?

– Так и сказал. Уж он не соврет. Говорит, будто учитель на выставке был вчера. Все вещи смотрел. Хорошо, что Мазин свой пугач унес!

– Унес? – с живостью спросил Васёк и досадливо сдвинул брови. – Так и не сказал, что за буквы... Ну, пошли к Саше.

На улице было людно. В сквере играли дети, на скамейках отдыхали взрослые. С деревьев, покрытых белым инеем, осыпалась снежная пыль.

Саша Булгаков жил недалеко. Пройдя широкий двор, мальчики постучали в низенькую дверь первого этажа длинного серого флигеля.

Им открыла женщина с приветливым лицом:

– Сашенька, к тебе!

В светлой кухоньке было много ребят. Они, видимо, гуляли и только что пришли со двора. Саша и его сестренка Нюта раздевали их. Маленькая девочка в одних чулках бегала из комнаты в кухню с мокрым ботинком в руках. Толстый малыш, с такими же, как у Саши, круглыми черными глазами, хныкал, упираясь головой в Сашин живот, – он потерял варежку.

– Куда ты ее дел? – сердился на него Саша. – Найди сейчас же!

Увидев товарищей, он кивнул им головой:

– Раздевайтесь, ребята!

Коля Одинцов пробрался к Сашиной кровати и осторожно присел на краешек, с интересом наблюдая, как Саша справляется с детворой.

– Васёк, – крикнул он, – иди сюда! Смотри, сколько детей у них. – Он притянул к себе товарища и зашептал ему в ухо: – У них чуть ли не двенадцать детей.

– Семь, – спокойно поправил его Саша, поднимаясь с колен и отряхивая пыль. – Вон седьмой. На кровати сидит.

Одинцов подпрыгнул и с испугом оглянулся: сзади него, обложенное со всех сторон подушками, копошилось маленькое существо с тремя светлыми волосками на макушке.

– Витюшка, грудной, – пояснил Саша.

- Да они, наверно, орут целый день! - засмеялся Васёк.

- Бывает. - Саша поймал за штанишки толстого черноглазого малыша и крикнул: - Нютка, пришей ему пуговицу! Мне некогда.

Он отвернул борт курточки - там торчала иголка с туго накрученной ниткой.

- Я пришью, - сказала мать. - Иди. Товарищи небось заждались тебя. С малышами никогда дела не переделаешь, - улыбнулась она.

- Ну, зашей. - Саша быстро закрутил свою нитку обратно.

- Что это ты иголку с собой носишь? - спросил Васёк.

- Ношу. Все время пригождается, - деловито ответил Саша.

Васёк пожал плечами.

- Брось! Девчачье это дело, - презрительно сказал он.

Саша не расслышал.

- Пойдем в комнату, - сказал он товарищам.

В соседней комнате было тихо и просторно. Как только Саша закрыл за собой дверь, Одинцов сообщил:

- У нас новость!.. Трубачёв, расскажи.

Васёк с жаром начал рассказывать:

- После каникул у нас будет новый учитель. Отменный учитель! Сам Грозный сказал.

- Да что ты! - обрадовался Саша. - Вот хорошо! А то мы...

За дверью вдруг что-то с грохотом упало, и началась невероятная возня. Саша тревожно прислушался:

- Кажется, мать ушла. - Он бросился к двери: - Я сейчас!

Через секунду он вернулся.

- Ничего. Это они в колхоз играют. Перевернули стулья и везут сдавать зерно, - с улыбкой пояснил он, закрывая за собой дверь. - Ну, Трубачёв, рассказывай про учителя.

- Да ну тебя! - с досадой сказал Васёк. - Что тебе рассказывать, если ты все время бегаешь!

- Да нет, это я так... думал - мама ушла. Ну, рассказывай, - умоляюще сказал Саша.

- Ну ладно! Так вот, этот учитель только для нашего класса, понимаешь? Это во-первых. А во-вторых...

Саша вдруг рванулся и снова исчез за дверью. На этот раз из соседней комнаты слышался отчаянный визг и плач.

Васёк и Одинцов, толкая друг друга, выскочили вслед за Сашей. Оказалось, что толстый карапуз Валерка просунул голову между прутьями кровати и никак не мог вытащить ее обратно.

- Стой! Стой! - кричал ему Саша. - Поверни голову набок...

С помощью Коли и Васька он наконец вытащил братишку. Но товарищи уже собрались уходить.

- Куда же вы? Расскажите хоть про учителя.

- В школе расскажем! - крикнул Одинцов.

Васёк только махнул рукой...

Вечером, забравшись к отцу на кровать, он с удовольствием делился с ним своей новостью:

- После каникул у нас будет новый учитель. Мария Михайловна совсем ушла. Ей восемьдесят лет уже.

- Восемьдесят лет! - удивился отец. - Ого-го! Совсем, верно, старушка с вами замучилась! Ты у меня один, и то я с тобой голову себе скрутил.

- Ну тебя! - недовольно сказал Васёк, приподымаясь на локте и заглядывая в лицо отцу. - Я небось председатель совета отряда... а ты говоришь!

- Вот-вот, мне и нужно, чтобы мой сын первый сорт был!

- «Первый сорт»... - протянул Васёк. - Я еще не выучился, - он наverts на палец отцовский ус, - а ты нападаешь!

- Я не нападаю, - засмеялся Павел Васильевич. - Не трожь усы, всю красоту испортишь... Да спи уже, а то завтра тебя пушками не поднимешь. - Он обхватил сына за шею. - Спи.

Васёк, лежа с открытыми глазами, думал о Саше, об Одинцове и о Севе Малютине.

- Хорошая, папа, картина у Малютина, но сам Севка какой-то тщедушный, - с сожалением сказал он.

Отец не ответил.

- Слышишь, папа?

- Слышу.

- А что ты слышишь?

- Тще-душ-ный, - промычал, всхрапывая, Павел Васильевич.

Глава 8

Мазин и Русаков

Мазин скучал. В землянке под старой елью было темно и тихо. У входа, завешенного белой простыней, валялась убитая из рогатки ворона. Снаружи крупными хлопьями валил снег. Иногда, отодвинув край простыни, Мазин зорко и настороженно оглядывал берег. Он ждал Русакова. Они не виделись с того памятного вечера, когда в их владениях побывал Трубачёв со своими товарищами.

«Отец дома. Держит Петьку при себе», - соображал Мазин.

Мазин и Русаков жили на одной улице, в одном доме. Дружба их началась с первого класса и навсегда укрепилась после одного случая. А случай, который сделал их закадычными друзьями, был такой. Однажды, стреляя в цель из рогатки, Русаков разбил цветное стекло в угловой даче. Испуганный, он прибежал к Мазину:

- Пропал я, Колька! Отец узнает - за ремень схватится!

Отец Пети рано овдовел и, сдав сына на попечение соседок, с головой ушел в работу. Весь день проводил он на обувной фабрике, где считался одним из лучших работников. Возвращаясь домой, он бегло интересовался здоровьем сына и, найдя в дневнике плохую отметку, сразу закипал гневом:

- Я с восьми лет сам на себя зарабатывал и дорогу пробивал себе тяжелым трудом, а тебе все даром дается! Отец для таких, как ты, целый день работает. Да разве один я? Вся страна не покладая рук трудится, чтоб из вас люди вышли! А вы что делаете? Безобразия! Распущенность! На тебя все соседи жалуются! Вот подожди, я когда-нибудь возьму ремень да поучу тебя так, как меня в свое время учили!

Петька со страхом смотрел на отца. Этот большой, сильный человек с черной густой шевелюрой и сросшимися бровями, под которыми трудно было угадать цвет его глаз, был чужим и непонятным мальчику.

Иногда отец вдруг останавливался посреди комнаты и, глядя на сына усталыми, хмурыми глазами, говорил:

- Ты пойми... Человек должен понимать слова, а не палку! Что у тебя, самолюбия нет, что ли?

Петька съеживался и молчал.

Разбитое стекло в угловой даче беспокоило Петю. Он сидел у товарища, с тревогой поглядывая на дверь.

- Да, может, отец не узнает, - утешал его Мазин.

Петя безнадежно махал рукой:

- Хозяева видели, как я побежал.

Мазину было жалко товарища. Он что-то соображал про себя, пыхтел, надувая толстые щеки, и, когда Петя Русаков, просидев у него целый час, собрался уходить, сказал:

- Пойдем вместе. Я скажу на себя, а ты будто в канавке сидел.

- В какой канавке?

- Ну за домом... Кораблики пускал.

Случай этот происходил весной.

- Кораблики... - протянул Русаков. - А чего же я побежал тогда?

- Мало ли чего! Побежал, чтобы на тебя не подумали, - вот и все. Понятно?

Русаков просветлел:

- И правда, может, обойдется?

- Обязательно обойдется. Верти кораблики. Сейчас намочим их во дворе - и айда к твоему отцу!

Петя сделал из газеты два кораблика, во дворе товарищи прополоскали их в грязной луже и храбро направились к дому Русакова.

- Постой, а вдруг твоя мать узнает? - тревожно спросил Петя. - И голова у нее заболит от этого. Жалко ее.

Он остановился.

- Не ной, - мрачно сказал Мазин. - Пойдем лучше!

Отец Русакова уже все знал. Он встретил сына на пороге, красный от гнева:

- Опять мне на тебя люди жалуются!

- Я, пап... - дрожащим голосом начал Петя.

Мазин толстым грибком вырос перед разгневанным родителем и вытащил из кармана рогатку:

- Петя ни при чем. Он кораблики пускал.

- Я, папа, кораблики...

- Какие еще кораблики? - загремел Русаков-отец. - Ко мне взрослые люди приходят, на моего сына жалуются!

- Это из угловой дачи к вам приходят? - осведомился Мазин. - Так я у них стекло разбил. Я нечаянно... в воробья метил, а попал в стекло. А Петя испугался и

побежал. Вот они на него и сказали. Не разобрались как следует и напали... А еще взрослые! – объяснял Коля Мазин, глядя прямо в глаза Русакову и закрывая Петю своей крепкой, приземистой фигурой.

– Не разобрались, – мямлил Петя, выглядывая из-за плеча товарища.

– «Не разобрались»! – передразнил его отец, уже смягченный признанием Мазина. – Лазите черт знает где!.. А ты тоже хорош! У тебя мать труженица, больная женщина, а ты ей сюрпризы устраиваешь, – напал он на Колю.

– Я не сюрпризы, я нечаянно.

– «Нечаянно»! И Петьку моего сбиваешь на всякие дурацкие шалости... Ты где был, когда твой приятель в стекло камнем запустил? – обратился он к сыну.

– Я в канавке кораблики пускал, – шмыгнул носом Петя и вытащил из кармана размокшие бумажные кораблики.

– Чтобы я больше не видел всей этой гадости! – закричал отец. – Выбрось эту дрянь в помойное ведро сейчас же! А рогатку я сам... – Он обеими руками сдавил рогатку. Она не поддавалась. – В печку!

– Лучше в помойную яму или в пруд. Давай, папа, мы выбросим! – с готовностью предложил свои услуги Петя.

– Молчи! И ступай сам с этими людьми объясняться. Скажи... приятеля хорошего имеешь, вот что!

Когда мальчики вышли, Мазин сказал:

– Сбегай в аптеку за порошком от мигрени, а я пойду в угловую дачу сознаваться.

Вечером Мазин ходил за своей матерью и говорил:

– Ты, мама, приляг... И не волнуйся. Ни один человек не проживет так, чтобы стекла не разбить.

Мать Коли Мазина работала в швейной мастерской. Коля никогда не видел свою мать здоровой. Она постоянно жаловалась, что от шума швейных машинок у нее болит голова. Малейшая неприятность также вызывала у нее мигрень, и тогда она тихо стонала, уткнувшись в подушку головой, обвязанной мокрым полотенцем, а Коля готовил ей чай, размешивал ложечкой сахар и бегал по аптекам, спрашивая везде, не изобретено ли какое-нибудь новое средство от мигрени. Дома, пока мать была на работе, Коля успевал приготовить обед, наколоть дров, сбегать за хлебом. Поэтому, когда мать жаловалась соседкам: «Не знаю, хватит ли моих сил воспитать сына», соседки украдкой переглядывались. «Хватит ли у него-то сил ухаживать за такой больной матерью?» – думали они про себя, жалея мальчика.

После случая со стеклом ребята выработали особую систему самозащиты. Теперь, что бы ни случилось, перед отцом Русакова виновным всегда выступал Мазин, а перед матерью Мазина – Петя.

– Вы, гражданка Мазина, обратите внимание на своего сына. Он и моего вконец испортить может, – внушительно говорил Русаков-отец матери Мазина.

– Подумайте! – возмущалась та. – Да как он может мне такие вещи говорить! Ведь чего только его Петя не выделывает! Он добьется того, что я не позволю своему сыну играть с Петей.

В конце концов родители, к большому огорчению мальчиков, категорически запретили им встречаться.

Мать Мазина пообещала Коле, что она окончательно потеряет голову, если он будет продолжать дружбу с Петей, а Русаков-отец посулил своему сыну спустить с него три шкуры, если еще раз увидит его вместе с Мазиним.

Петя, который вечно дрожал за одну свою шкуру, не мог даже представить себе, что значит спустить три. Мазин тоже забеспокоился:

– Конечно, в школе нас никто не проверит.

– А после школы я один буду? – шмыгнул носом Петя.

– Не хнычь! – сердито сказал Мазин. – И заруби себе на носу, Петька: нет такой беды, из которой нельзя вылезти. Я это проверил.

Выход действительно нашелся.

Через два дня после этого разговора на берегу заросшего, затянутого зеленой ряской пруда, где тучами кружились комары и мошки, а по вечерам, надуваясь, кричали лягушки, Мазин и Русаков уже рыли себе землянку под разлапистыми ветвями старой ели. Они приходили сюда поодиночке, работали изо всех сил и, уходя, оставляли друг другу короткие записки:

«Двинулся на полметра в ширину.

МЗС».

«Углубил вход.

РЗС».

К началу занятий в школе землянка была готова. На пруду редко бывали люди: в густом кустарнике, заросшем крапивой, не было тропинок. Землянка, тщательно замаскированная дерном, была почти незаметна.

Мазин и Русаков ликовали:

– Поди ищи нас теперь!

– А в случае нападения можно и отстреляться, – говорил Мазин.

Недостатка в стрелах, пугачах и рогатках не было. Мальчики усердно тренировались в стрельбе. Около землянки на дереве висели белые кружочки, пробитые стрелами.

– Петька! Целься в правый кружок, а я в левый! Следопыту надо бить без промаха! – поучал Мазин.

С наступлением осенних дождей Мазин притащил из дома клеенку, а Русаков – дождевой плащ. В землянке и в проливной дождь было тепло и сухо.

Мазин достал где-то азбуку следопыта и требовал от Петьки, чтобы он срисовал ее и выучил наизусть. Зимой товарищи ходили на лыжах в лес. Ставили силки, но зайцев в этих местах не было.

Сегодня Мазину посчастливилось – он убил ворону.

Прождав товарища до позднего вечера, Мазин взял клочок бумаги и написал: «Убил дичь. Придешь – освежуй».

На другой день товарищи встретились.

– Отец был дома, – пояснил Петя. – Он премию получил, гостей назвал. Много. И одна тетенька там была. Он ей говорит: «Вот мой Петр» – это про меня. А она ему: «Ну, какой же это Петр – это просто Петя!»

– Ладно! – прервал его Мазин, вынимая перочинный нож и вытаскивая из угла убитую ворону. – На, свежуй дичь, а я огонь разведу.

Он поставил у входа жаровню, бросил на угли спичечные коробки и стал разжигать огонь. Петя поднял ворону, оглядел ее со всех сторон и удивленно сказал:

– Какая же это дичь! Это обыкновенная ворона.

– Так убей утку! – огрызнулся Мазин, протирая красные от дыма глаза. – А не убьешь утку, будешь есть ворону!

Через несколько минут из котелка уже торчал черный вороний клюв. Мазин взял лопату, вышел из землянки и скоро вернулся с мороженой рыбой.

У Пети сделалось грустное лицо.

– Довольно одной вороны, Мазин, а то мы сразу все запасы съедим, – осторожно сказал он.

Мазин молча отхватил ножом кусок рыбы, нарезал ее тонкими ломтиками, посолил и подвинул товарищу.

– Ешь. Ворон на нашу долю хватит, – сказал он, храбро отправляя в рот ломтик рыбы.

Петя, зажмурившись, последовал его примеру.

Оба молча жевали, украдкой наблюдая друг за другом.

– Все охотники едят мороженую рыбу, а собаки на Севере преимущественно питаются этим, – со вздохом сказал Петя.

В котелке забулькала вода. Мазин вытащил ворону, потыкал ее ножом и снова бросил в котел:

– Жестковата.

Петя повеселел.

– Конечно, пусть упревает, – с живостью сказал он, похлопывая себя по животу. – И вообще я здорово сыт. Возьми мою половину, если хочешь, – добавил он, подвигая Мазину оставшийся ломтик рыбы.

Мазин сделал вид, что не слышит, сложил нарезанные куски и вышел из землянки.

Через минуту, сидя на мешке с сеном и лениво постреливая из рогаток в стенку, они вспомнили трех товарищей, так неожиданно появившихся на пруду.

– И чего их занесло сюда? – забеспокоился Мазин. – Еще повадятся ходить.

– Не повадятся, – усмехнулся Русаков. – Я их здорово напугал.

– Трубачёва не запугаешь, этот к черту на рога ползет. Смелый парень! Вот такого бы товарища нам с тобой! – сказал Мазин.

– Да... хорошо. Только он отличник, а мы... – Петя легонько свистнул и засмеялся.

– А ты принес учебники? – живо спросил Мазин.

– Забыл.

– Смотри, Петька, не пройдет нам это даром.

Он опустил рогатку и задумался.

– А чего же мы плохого делаем? – искренне удивился Петя. – Мы ничего плохого не делаем.

Мазин прищурился и уничтожающе посмотрел на него.

– Если человек делает плохо и знает, что это плохо, то это еще ничего, – медленно сказал он, – а если он делает плохо и думает, что это хорошо, то это уж дело дрянь!

– Я не думаю, – быстро сказал Петя, – насчет учебы и вообще...

– То-то, – сказал Мазин. – Себя обманывать нечего.

Он достал азбуку следопыта, прикрыл рукой подпись под рисунком и строго спросил:

– Чей след?

– Утки, – поспешно ответил Петя.

– Сам ты утка! – рассердился Мазин. – Кому я говорил – выучи наизусть!

Глава 9

Тетя Дуня

Васёк был дома один. Он принарядился, начистил ботинки и, не зная, что с собой делать, ходил по комнате.

Каникулы ему уже надоели. Скорей бы в школу!

«Интересно, какой-то новый учитель?» – думал он, поджидая отца.

В дверь кто-то тихонько постучал.

– Мне к Трубачёву Павлу Васильевичу, – сказала женщина, осторожно прикрывая дверь и с трудом втаскивая за собой корзинку.

– Папы нет. – Васёк внимательно разглядывал гостью.

Она была в синем пальто, туго застегнутом на все пуговицы. Из-под черного полушалка глядели на Васька рыже-голубые, чем-то знакомые глаза. Мальчика охватила тревога.

– Папы нет! – повторил он.

– Папы нет, а тетка – вот она! – вдруг сказала женщина, любезно поджимая губы. – А ты небось Васёк? Тащи-ка корзинку. Запарилась я с ней!

Она вошла в кухню, села на табурет, расстегнула пуговицы своего пальто и, обмахиваясь концами полушалка, огляделась вокруг.

– Ничего живете. Кухня просторная. – Она заглянула в комнату. – В чистоте содержите. А это чья же дверь-то? – потрогав замок Таниной двери, спросила она.

Васёк втащил корзинку и, не зная, что отвечать, во все глаза смотрел на тетку.

«Смешная какая-то», – думал он.

А тетка между тем уже расхаживала по комнате, оглядывая обстановку. Васёк с удивлением увидел теперь, что глаза у нее точь-в-точь как у отца, с такими же короткими рыжими ресницами, что нос и все лицо тетки тоже напоминают отца, только рот и выражение лица какое-то другое. Тетка как бы угадала его мысли.

– Ишь, – сказала она, с видимым удовольствием бросив взгляд на мальчика, – рыжий. В нашу породу пошел!

Васёк нахмурился и отошел к окну. «Какой я рыжий!» – думал он, приглаживая свой чуб.

Между тем тетка уже обошла все углы и орудовала в кухне.

– Ваше мыло-то? Подай полотенчко! Это что ж кастрюли-то у вас как завожены? Аль плита дымит? А соседка-то молодая или старая? Как ее звать-то?

– Таня.

– Таня... – Тетка опять поджала губы и многозначительно покачала головой. – Неаккуратная девка, по всему видать.

– Да ты, тетя, еще не видела ее, а уже ругаешь, – не стерпел Васёк.

– Ее не видала, а приборку ее вижу: в печке зола, в углу сор. Слава богу, можно о человеке судить, – решительно отрезала тетка.

– Все равно она хорошая, добрая. Ее все любят! – сердито сказал Васёк.

У него росло недовольство против тетки и ее бесцеремонного хозяйничанья в их квартире.

К обеду пришел отец. Васёк открыл ему дверь и тихонько шепнул:

- Тетка приехала!

- А! Приехала! – обрадовался отец, отодвинул Васька, вытер платком усы и крикнул: – Дуняша!

Тетка всплеснула руками, заторопилась:

- Паша... голубчик...

- Ну-ну... вот и свиделись... вот и свиделись! – повторял Павел Васильевич, любовно оглядывая ее и прижимая к груди. – А что бы раньше приехать-то? Ведь не за горами живешь, а, Дунюшка?

Тетка оторвала от его груди заплаканное лицо.

Васёк снова заметил сходство между ней и отцом. У обоих были растроганные, умиленные лица, радостные и чем-то смущенные.

- Постарели, постарели мы с тобой, сестреночка, – говорил Павел Васильевич.

- Да ведь всех схоронили... Одни на свете мы с тобой, Пашенька, – вздыхала тетка.

- Как это одни? Полон свет хороших людей... А вот сын у меня растет, племяш твой! – весело сказал Павел Васильевич. – Вот он! Небось познакомились уже?

- Познакомились, – ласково сказала тетка.

Ваську вдруг стало жалко, что он неприветливо встретил тетку. Ее встреча с отцом растрогала его. Он сбоку подошел к обоим и с чувством сказал:

- Здравствуйте, тетя!

Тетка поцеловала его в щеку.

- Да что ж я! У меня тут для вас кой-чего...

Она внесла в комнату свою корзинку и стала развязывать ее.

– Не хлопочи, не хлопочи... Хлопотунья! – кричал из кухни отец, разжигая примус. – У нас все есть! Сейчас чай будем пить.

Васёк с любопытством смотрел, как тетка вынимала какие-то банки, завернутые в полотенце, положила на стол румяный пирог, охая и приговаривая:

– Ай-я-яй! Измялось все! Хорошо хоть варенье довезла. А уж толкали меня, тискали... Людей, людей едет – пропасть! А в Москву – еще больше... Пашенька! – крикнула она, развертывая склотую булавами бумагу. – Вот тебе подарочек. А это Ваську.

– Ба, ба! – удивился Павел Васильевич, разглядывая расшитый ворот рубашки. – Ну искусница! Ну, спасибо, Дуняша!

Васёк тоже с удовольствием примерял пушистые синие варежки и такие же носки.

– Как раз! Мне как раз, папа... Спасибо, тетя! – догадался он после того, как отец еще раз обнял тетку.

– А мы-то с тобой опростоволосились! – смущенно сказал Павел Васильевич, глядя на Ваську. – Не приготовили тетке подарочка.

– Что ты, что ты, какой подарочек! Ты меня и так не обижал, Паша.

Чай пили втроем. Васёк слушал, как без конца рассказывает тетка о каких-то соседях, как переспрашивает ее отец, живо интересуясь всеми новостями.

– А этот-то... как его, с которым мы на огороде-то попались? – подмигивал отец.

– А, – оживленно подхватывала тетка, – Бирюковы, что ли? Живут, живут! Коля-то на инженера вышел, Маруська за летчиком в Москве. А этот, конопатенький-то, на доктора учится.

– Скажи пожалуйста! – удивился отец и скромно сказал: – А я вот мастер... стахановец!

– Слышала я, как же! – с гордостью сказала тетка. – А ведь сиротами мы росли. Вот уж истинно спасибо советской власти! Всегда скажу, хотя сама как-то на отшибе живу. Связалась со своим домишком, с курами да с козами, и никакой пользы от меня нету... А и бросить не бросишь и уйти не уйдешь...

– А как же теперь-то? На кого хозяйство оставила?

– Да кой-что попродала. А кой-что у соседей оставила. Соседи – люди хорошие, поберегут, – прихлебывая с блюдечка чай, говорила тетка.

– М-да... Это тоже не жизнь. На старости к своим прибиваться надо. Ты уж так обдумай: может, приживешься и с нами останешься?

– Как ты, Паша... А я вся тут... Родней вас у меня никого нет.

Васёк вылез из-за стола и пошел к Тане.

– У нас новость, – сказал он, – тетя Дуня приехала!

– Я уж слышу. Вот и хорошо, а то Павлу Васильевичу не управиться одному.

– А ты что же не идешь к нам? Пойдем!

– Ну, что ты! Небось они о своих делах говорят. Зачем мешать!

– Таня, – крикнул Павел Васильевич, – иди познакомься, соседи ведь!

Таня, оправляя на ходу толстую косу, смущаясь, вошла в комнату.

– Не бойся, не бойся, – подталкивал ее Васёк.

Тетка быстро оглядела девушку с головы до ног. На лице ее появилось натянутое, неприятное выражение.

– Евдокия Васильевна, – сказала она, протягивая Тане руку. – Садитесь, гостьей будете.

– Да она не гостья, она наша, – громко сказал Васёк. – Она живет здесь!

– Знаю, знаю, – сухо сказала тетка. – Уж я все рассмотрела... Поддай стульчик, Васёк!

В последний день каникул Васёк вместе с отцом и теткой пошли в цирк. Перед этим тетка устроила большие и торжественные сборы. Она с утра грела утюги, чистила и гладила через мокрую тряпку костюмчик Васька, заглаживала складки на брюках Павла Васильевича.

Таня боялась высунуть нос из своей комнатки. Тетка в первые же дни завладела всем домом. Она во всем навела свои порядки, распределила в кухне все кастрюльки на «ваше» и «наше». «Ваше» – это было Танино. Таня, видимо, побаивалась Евдокии Васильевны и даже на собственные вещи не решалась заявить свои права.

– Да берите, берите, – смущенно говорила она. – У нас до сих пор все вместе было.

– Вот это-то и нехорошо, что вместе. Нам чужого не нужно, у нас своего хватит, – обрывала ее тетка.

На Павла Васильевича тетка смотрела с обожанием. Без отца Васёк не садился за стол.

– Как это так? Мужчина в доме, самостоятельный, хозяин, а мы без него обедать сядем?

Павла Васильевича это стесняло, а Васёк, придя со двора, нетерпеливо слонялся по комнате:

– Тетя Дуня, я есть хочу!

– Это хорошо. Значит, аппетит нагулял, – спокойно отвечала тетка, сдвигая на кончик носа очки и растягивая на коленях свое шитье.

Стол в ожидании отца был уже накрыт. Услышав знакомые шаги, тетка спешила на кухню:

– Васёк, подай отцу полотенце! Повесь куртку в коридоре – запах от нее паровозный!.. Садись, садись, Паша. Устал небось?

Павел Васильевич, видя во всем порядок и чистоту, радовался. За столом Васёк запихивал в рот все, что подавала тетка, и просил добавки.

– Вот это так, это хорошо! А то, бывало, того не хочу, этого не могу...

– Да, – говорил Васёк, – тебя ждать-то – с голоду помрешь!

– Не помрешь, – говорила тетка. – Желудок тоже аккуратность любит.

В этот день в цирк приехали московские артисты. Васёк все боялся опоздать, но тетка не вышла из дому, пока не привела брата и племянника в полный порядок. Особенно ее беспокоили съезжавший на сторону галстук Паши и рыжий чуб Васька. Галстук она в конце концов пришила к рубашке, а к рыжему украшению на лбу племянника подступила с ножницами. Но Васёк загородился от нее обеими руками:

– Папа, мне этот чуб нужен! Я его вот так кручу на уроке!

– Оставь, оставь, Дуня, – поспешно вступился отец. – А то, пожалуй, я своего родного сына не узнаю. Да и мать, бывало, любила...

Он решительно взял у тетки ножницы.

В цирке они сидели рядом. На арене плясали под музыку медведи, смешил клоун. Васёк подпрыгивал, хлопал в ладоши, хохотал. Отец тоже смеялся. Тетка, в шелковой зеленой кофте, сидела прямо, она изо всех сил старалась соблюсти приличие, смеялась в платочек и останавливала Васька. В антракте ели мороженое. Павел Васильевич и Васёк, перебивая друг друга, делились

впечатлениями. Тетка с тревогой поглядывала вокруг.

- Паша, кланяется тебе кто-то.

- А, товарищ мой с сынишкой... Здорово! Здорово! - басил Павел Васильевич, пожимая руку приятелю. - Вот, знакомьтесь: моя сестра.

- Евдокия Васильевна, - церемонно знакомилась тетка, протягивая сухую негибающуюся ладонь. При этом голова ее упиралась в плечи, на губах появлялась напряженная любезная улыбка.

«Смешная какая-то!» - удивлялся Васёк.

Вечером, когда, веселые и довольные, Трубачёвы вернулись домой, Васёк разделся и, по своему обыкновению, юркнул в отцовскую кровать, но тетка решительно воспротивилась этому:

- Ты что это, Паша, позволяешь? Что у него, своей кровати нету? Теперь и в деревнях вместе не спят... Какой это сон для рабочего человека!

- Да нам поговорить нужно еще. Мы с папой всегда на ночь разговариваем! - сердился Васёк.

- Пускай, пускай полежит немного, - защищал его Павел Васильевич.

Но тетка до тех пор не погасила огня, пока Васёк не перебрался на свою кровать.

Уткнувшись головой в подушку, он чувствовал себя неуютно и думал, что многое ему нужно было сказать отцу. Он вспомнил, что завтра в класс придет новый учитель, вспомнил Сашу и Колю на пруду, белый холмик и огромную желтую луну. Перед глазами все стало путаться. Холмик вдруг вырос в огромную снежную гору. И Васёк заснул.

Новый учитель

Каникулы кончились.

В дверях четвертого «Б» стояли два ученика. Каждого входившего они сопровождали звонким шлепком по спине.

– Честь имею! Сам Трубачёв!

– Здорово! – кивнул головой Васёк.

В классе было шумно. Ребята наперебой рассказывали друг другу свои новости.

– Мы в цирке были, там медведь на велосипеде ездил! Ой, девочки, так смешно! – рассказывала подругам Надя Глушкова.

– А я всегда боюсь в цирке – вдруг кто-нибудь упадет! – серьезно сказала Степанова.

– Лида, Лида Зорина! – теребила Нюра Синицына свою подружку. – У тебя легкая рука! С кем бы мне партой поменяться? Где мне сесть? А то новый учитель придет, а я ничего не знаю.

– Лягушка-путешественница! Прочного местечка ищет! – сострил Коля Одинцов, пробираясь к Саше Булгакову.

Саша, окруженный со всех сторон ребятами, рассказывал:

– Я сзади него шел... Думал, может, родитель чей-нибудь. А тут директор, Леонид Тимофеевич. «Ну, – говорит, – сегодня у вас, Сергей Николаевич, первое знакомство с классом?» Я тогда оглянулся и побежал... Трубачёв! – крикнул Саша. – Иди сюда!

Но Трубачёва атаковали девочки.

– Мы с лыжной экскурсии все вместе шли, а вы отделились. А Митя зато нас всех конфетами угощал! – хвалились девочки.

– Ну, что нам конфеты! Зато мы в таком месте были, где ни одна человеческая нога не ступала, – хвастнул Трубачёв, – где снежные обвалы каждый день...

– Снежные обвалы, говоришь? – насмешливо переспросил Мазин. – И не задавило вас там?

– Прищемило немножко, – усмехнулся Петя Русаков.

– Мы удрали! – весело крикнул Саша.

– Ну, удрали! Просто ушли, потому что уже поздно было. Надо будет когда-нибудь днем туда сходить, – сказал Васёк.

– Не советую. Я слышал от одного охотника-следопыта, что туда нередко забегают волки, – равнодушно процедил Мазин.

– Ребята, слышите? Волки! – ахнул Саша.

– Волки? Я так и думал, – сказал Васёк. – Вот если б ружье!

– Да их нельзя стрелять. Теперь на пруду заповедник, разве вы не знали? Там вообще всякие звери водятся, – придумывал Мазин.

– Да еще голодные, верно. Такой подняли вой... – поежился Одинцов. – А мы-то было разлеглись в сугробе...

– Вот так история! – сказал озадаченно Трубачёв. – Значит, мы в заповедник залезли. Булгаков, слышишь?

– Слышу. Хорошо, что вовремя выбрались оттуда, а то не собрали бы там наших косточек.

– Угу, – сказал Мазин и отошел, удовлетворенный этим разговором.

В дверях показался Сева Малютин.

– Сегодня новый учитель! – сообщил ему Трубачёв.

По коридору прокатился гулкий звонок.

Ребята уселись за парты. Все взгляды устремились на дверь.

* * *

В класс вошел учитель. Он поздоровался, оглядел ребят и сказал:

– Ну, будем знакомиться. Меня зовут Сергей Николаевич.

– Сергей Николаевич... – повторил кто-то из ребят.

Учитель улыбнулся и развел руками:

– Но я один, а вас много! Давайте попробуем такой способ: я буду знакомиться сразу с целым звеном. Согласны?

– Согласны!

Ребята подтянулись, ждали. Учитель подошел ближе к передним партам:

– Ну, начнем с председателя совета отряда.

Васёк вскочил:

– Есть! Председатель совета отряда Трубачёв!

Сергей Николаевич быстрым взглядом скользнул по крепкой фигуре Трубачёва, заметил непокорный рыжий чуб, темные глаза и приветливо кивнул головой:

– Запомню... Вожатые звеньев!

Лида Зорина, Саша Булгаков и Коля Одинцов встали.

- Давайте по очереди! - Учитель остановил глаза на Лиде.

- Звеньевая Зорина. В звене десять человек. Звено, встать! - краснея, скомандовала девочка.

Крышки парт с тихим шумом поднялись. Лида назвала всех по фамилии. За ней были вызваны Одинцов и Булгаков.

- А Булгаков у нас еще староста!

- А Одинцов - ответственный редактор! - осмелев, зашумели ребята.

- Ну, значит, я приобрел замечательных знакомых. Все такие ответственные лица... - пошутил Сергей Николаевич.

Ребята улыбались, переглядывались, кивали друг другу. Леня Белкин показывал за спиной большой палец, выражая этим свое удовольствие.

Сергей Николаевич сказал:

- А я видел ваши работы на выставке. Некоторые очень интересны. Например, ледокол... потом подводная лодка... Очень, очень неплохо сделано.

Новый учитель понравился. Он двигался по классу уверенно и легко, не делая лишних движений, говорил звучным голосом, отчетливо выговаривая слова. Спрашивал ребят, как они провели каникулы, где были, что видели. Потом рассказал, как он в детстве любил собирать всякие коллекции и однажды, зацепившись за какие-то водоросли, полчаса просидел в реке.

- Не утонули? - испуганно спросила Надя Глушкова.

- Как видишь, - улыбнулся учитель. Улыбка у него была очень светлая и запоминалась.

Ребята разговорились. Каждому хотелось рассказать что-то о себе. Коля Одинцов летом был на Урале. Он привез оттуда разные камни.

- Ты принеси в следующий раз, мы их тут рассмотрим, - сказал учитель.

Саша Булгаков собирал марки, многие ребята - коллекции насекомых.

Васёк вспомнил, что летом он занимался выжиганием по дереву, и спросил:

- Можно принести?

- Принеси.

На следующем уроке Сергей Николаевич вызывал к доске. Спрашивая, он терпеливо ждал ответа, а одному мальчику заметил:

- Ты сначала подумай, о чем хочешь сказать, а потом говори. Надо, чтобы мысль была совершенно ясная, тогда ее легко выразить словами.

Уходя, учитель обратил внимание, что в одном месте парты слишком выдвинуты вперед, и без всякого усилия один передвинул весь ряд.

Ребята ахнули.

После уроков не хотелось расходиться по домам. Ребята шумно обсуждали каждую шутку учителя, каждый жест, улыбку, слово.

- Нет, какой силач! Силач-то какой! - с восторгом кричал Леня Белкин.

- Из всех учителей наш самый лучший! - говорили девочки.

- Он, наверно, военным был. Крепкий такой, ловкий! - предположил Одинцов.

- У него, пожалуй, не побалуешься на уроке, - опасно сказал Русаков.

Ребята засмеялись.

- Посмотрим, - равнодушно сказал Мазин. - А что он сделает?

- Вышвырнет из класса, вот что! Видал, как парты одним махом передвинул? - смеялись ребята.

- А мне так интересно было - я все боялась, что звонок скоро, - улыбнулась Степанова.

- А Сеницына-то, Сеницына! - фыркнул Одинцов. - Как воды в рот набрала! А потом у доски каким-то тоненьким, не своим голосом пицала.

- Врешь! Врешь! Ничего подобного! Я ничуть не испугалась. И учитель мне ваш не понравился. Ни капельки не понравился! - прищурившись, протянула Сеницына.

- Да не может быть! - растягивая слова и так же прищурившись, передразнил ее Одинцов.

- Дразнись не дразнись, а не понравился! - обернулась к нему Сеницына.

- А почему не понравился? Говори, почему? - подступили к ней ребята.

- Она и сама не знает, - улыбнулась Валя Степанова.

- Нет, знаю! - упрямо сказала Сеницына. - Во-первых, у него к детям никакого подхода нет. А просто он с нами обращается, как со взрослыми.

- Фью! - свистнул Одинцов. - Что же он, в детский сад пришел? В ладоши хлопать должен?

В класс заглянул директор.

- Леонид Тимофеевич! А у нас новый учитель! - крикнула Лида.

- Да что ты говоришь? - развел руками директор. - Как же это так? А я ничего не знаю!

Ребята дружно расхохотались.

– Я знаю, что вы знаете... – смутилась Лида, прячась за спины подруг. Директор посмотрел на часы:

– Учитель новый, а расписание старое. Или вы решили на вторую смену остаться? Ребята с шумом выбежали из класса.

* * *

Васёк ходил за теткой, с жаром рассказывая ей про нового учителя:

– Он, знаешь, тетя Дуня, сильный какой! Он взял и прямо с одного маху все парты передвинул. Силач!

– Боксер, наверно, – предположила тетка.

– Нет. Почему боксер? – растерялся Васёк. – Боксер – это, знаешь, в таких перчатках борется. А он нет. Он же учитель.

– А... учитель? – складывая в корзинку вымытые ножи и вилки, рассеянно переспросила тетка. – Ну-ну... А где же это у меня ножик один? Обронила, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/valentina-oseeva/vasek-trubachev-i-ego-tovarischi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)